

Загреб - С 23.

ПЯТНИЦА, СУББОТА, ВОСКРЕСЕНЬЕ 10-12 МАРТА 2006

КУЛЬТУРА

СОБЫТИЯ / ФАКТЫ / МНЕНИЯ

23

В Санкт-Петербурге выступил Иван Монигетти

«Блаженства» в Прощеное воскресенье

Гюляра Садых-заде

Великолепный виолончелист и замечательно тонкий музыкант *пассажир* в Питер от силы раз в два года. Природный москвич с давними петербургскими корнями (его предок Ипполит Монигетти был известным придворным архитектором и похоронен на Шуваловском кладбище, подле церкви, которую сам же спроектировал), Иван Монигетти уже пятнадцать лет живет в Швейцарии, преподает в Базельской академии музыки — авторитетном учебном заведении, одном из лучших в Европе. Каждый его приезд в Петербург сопряжен, как правило, с творческим сотрудничеством с оркестром Эрмитажа и совместными, весьма нетривиальными музыкальными акциями. Монигетти выступает и в Эрмитажном театре, и в Филармонии, играет соло или с оркестром, нередко и сам становится за дирижерский пульт. Любит Баха и венских классиков, но исполняет и современную музыку: опусы Валентина Сильвестрова или Александра Кнайфеля, наших отечественных минималистов. Бах — это, конечно, любовь на всю жизнь; Монигетти играет все его сюиты, причем играет превосходно: с очень глубоким постижением стиля, в живой трепетной, не без налета аутентизма манере. Вот и на прошедшем в Малом зале Филармонии концерте Иван исполнил две сюиты Баха, Вторую и Третью. Слегка было замешкался в одном месте — у Баха повторов столько, что и не упомнишь, где вовремя свернуть, — но быстро сориентировался и в целом сыграл очень здорово. Хотя сидеть одному, в обнимку с виолончелью, на сцене, как голенькому, без поддержки рояля и целое отделение держать зал в напряженном внимании — это трудно, тут нужна особая психологическая и артистическая устойчивость.

Во втором отделении исполнились «Блаженства» Кнайфе-

Иван Монигетти в очередной раз продемонстрировал свою универсальность, выступив солистом и дирижером в одном лице

ля. Это сочинение написано на текст Нагорной проповеди и рассчитано на камерный состав оркестра (в концерте выступал оркестр Эрмитажа), хора (пригласили Lege Artis), двух певцов-солистов (бас — Петр Мигунов, сопрано — Татьяна Мелентьева) и универсального музыканта-лидера, который способен выступить единым в трех лицах: дирижера, пианиста и виолончелиста. Ивану Монигетти это оказалось по плечу. Он уже представлял «Блаженства» питерской публике два года назад, на юбилейном концерте

Кнайфеля. А мировая премьера опуса прошла десять лет назад в Берлине — дирижировал и играл Мстислав Ростропович, которому и посвящены «Блаженства» (и Кнайфель, начинавший путь в музыке как виолончелист, и Монигетти — в прошлом ученики Ростроповича). В этой музыке очень мало нот, много пауз и тишины, много благоговейного сосредоточенного внимания к каждому звуку. Звуки, как драгоценность, разреженной каплей падали в притихший зал: простые трезвучия, терции, негромкие реплики хо-

ра — будто ангелы поют в небесных сферах.

Разреженность музыкальной ткани — это специфическое свойство музыки Кнайфеля, в единицу времени выдается очень мало музыкальной информации, но именно поэтому каждая малость обретает повышенную смысловую нагрузку. Бесконечно тянувшиеся звуки можно уподобить невероятно замедленной съемке. Сначала говорит фортепиано; затем на словах «Блаженны плачущие» светлый колорит слегка меркнет: вторгаются темные тембры контрабасов и виолончелей. Заканчивается опус соло виолончели — одинокий голос вьется где-то в невообразимой вышине, флажолетами, в запредельно высоком регистре.

После концерта Иван Монигетти ответил на вопросы Гюляры Садых-заде.

Отчего вы всегда живо интересовались современной музыкой и композиторским процессом?

Для меня этот интерес — нечто само собой разумеющееся. Я никогда и не задавал себе такого вопроса: почему? Я не разделяю классику и современную музыку; играю практически все, что написано для виолончели, и то, что можно на ней сыграть. Конечно, меня очень занимает работа с композитором, получение новой музыки непосредственно из рук творца. Если бы можно было исполнить самое заветное желание, мне бы хотелось услышать Моцарта, играющего свою музыку. Или Бетховена. Или Боккерини, играющего на виолончели. Этот вопрос меня занимает постоянно, при исполнении любой музыки — вопрос взаимоотношений творца с его музыкой.

И как, на ваш взгляд, выстраиваются эти взаимоотношения?

Тут раз и навсегда понять можно лишь то, что это наиболее

адекватное отношение. Причем в какой-то момент музыка отделяется от творца и начинает жить своею жизнью, переживая свою эпоху. И тогда с ней могут происходить самые разные метаморфозы, которые могут увести далеко от первоначального замысла. Но это естественный процесс, которому не нужно препятствовать. Авторское исполнение иногда очень сильно отличается от последующих интерпретаций. У меня есть счастливый опыт общения со многими композиторами, в частности с петербуржцем Александром Кнайфелем. Он многое раскрыл мне в мире музыки: у него свой, особенно звучащий мир, и теперь все, что я слышу и воспринимаю, я невольно сопрягаю с тем измерением, которое открыл мне Кнайфель. Второй композитор, который повлиял на меня, — это Валентин Сильвестров. Теперь часто, слушая или играя Шуберта, я соотношу его с музыкой Сильвестрова. С вашей соотечественницей Франгиз Ализаде мы тоже очень дружим. Недавно я был в Баку, играл на ее авторском концерте. Она стала для меня одним из самых важных авторов в моей жизни.

Да и вы для нее — важный исполнитель. Именно вы включили в концертный обиход пьесу «Габиль-саягы», после которой началась ее международная карьера. На Люцернском фестивале Йо-Йо Ма играл ее сочинения.

Наверное, «Дервиша»? Это произведение он сыграл уже везде, такой вот у него «шелковый путь» получается. А насчет «Габиль-саягы» вы правы. Сама Фира признает, что оно пошло с моей легкой руки. Между прочим, первое исполнение пьесы состоялось именно здесь, в Питере. А потом в Тбилиси, далее — везде. Фира — это тоже «мой» автор, она очень многое раскрыла мне, и не только в своей музыке.